

формируются новые этнические общности, так и центрированное, при котором они консолидируются, в то время как этнические различия стираются. Автор рассматривает китайскую политическую практику нациестроительства в связи с ситуацией нациестроительства в мире в начале XXI в. КНР в своем развитии еще остается на нациестроительной стадии развивающейся страны. Очень показательна позиция Ван Сяодуна, который говорил, что по отношению к внешнему миру право нации – это и права человека, а во внутренней политике права человека – это и права нации; а если в условиях современной международной ситуации вовсе не обращать внимания на права нации, то не будет и прав человека. Можно сказать, что в Китае в полном масштабе воспроизводятся дискуссии о приоритете коллективных прав общностей и прав индивида. Все процессы глобализации, модернизации и само реформируемое состояние, в котором находится Китай, оказывают влияние на состояние его общества, продолжая деформировать традиционную этническую культуру. По справедливому замечанию автора, с которым невозможно не согласиться, традиционную культуру все еще можно обнаружить в относительно изолированных общностях или в специальных этнографических музеях-заповедниках. Иначе говоря, в сфере этнонациональной политики в Китае сегодня сталкиваются противоречивые политические идеологии и практики.

Нельзя не согласиться и с замечанием автора по поводу того, что важность идеологии в этнической политике и нациестроительстве нельзя переоценить (см. параграф монографии “Национализм и дискурс национализма в Китае”). Автор рассматривает идейную борьбу КПК против национализма как пережитка, которому нет места в социалистическом обществе, в какой бы форме он ни являлся – в великоханьской или в форме местных национализмов, – о чем, собственно, не устал говорить Дэн Сяопин. Здесь автору удастся пробраться сквозь “бамбуковые заросли” и прочих типов китайских национализмов: элитного, модернизационного, подлинного, нового, толерантного, противостоящего ксенофобии. В результате автор принимает точку зрения, согласно которой на протяжении XX в. бурные социально-экономические и политические перемены в Китае сопровождались переходом от традиционного этноцентризма к связанному с ним модернизационному национализму.

Что же представляет собой современный Китай в этнонациональном отношении? Согласно аргументации автора, Китай остается страной незавершенного нациестроительства и разделенной нацией. Существует ханьская этническая общность, которая охватывает основную часть населения материкового Китая и Тайваня, а также многочисленную диаспору хуацяо. При сохранении этнокультурного единства эти этнические составляющие все же разделены политически. Вместе с тем в Китае существует определенная полиэтническая общность, которая официально трактуется как единая нация, образованная другими нациями.

В заключении представлены три варианта возможного развития нациестроительства и этнической политики в КНР. Первый – подъем уровня развития “национальных” автономий для стабилизации общей ситуации при поощрении миграции ханьцев на территории автономий. Второй – промежуточный между первым и соблюдением демократических требований, что возможно лишь в условиях федеративного переустройства. Третий – наименее желательный, развитие по сценарию Косово, однако он – и наименее вероятный. Какой из них будет реализован, покажет время. Однако ведущая тенденция очевидна: нациестроительство принимает не унифицированный, а более плюралистический характер. Выводы монографии, несомненно, представляют интерес для политологов, специалистов в области этнонациональных проблем, этнологов и востоковедов.

ЭО, 2011 г., № 5

© М.В. Лескинен. Рец. на: *Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe* / Ed. by D. Demski and K. Baraniecka-Olszewska. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 2010. 400 p.

Исследования, посвященные проблемам формирования национальных образов “других” в различных областях культуры, стали популярны в последнее десятилетие: они востребованы

Мария Войттовна Лескинен – к. и. н., старший научный сотрудник Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН; e-mail: marles@zmail.ru

в читательских кругах и, с одной стороны, демонстрируют стремление развенчать негативные стереотипы и национальные предубеждения, а с другой – подтверждают удивительное постоянство и живучесть целого ряда предубеждений и визуальных клише. Сборник статей “Образы Другого в этнических карикатурах Центральной и Восточной Европы” – не первый в этом ряду (на русском языке наиболее заметны работы по визуальной антропологии в историческом контексте (напр.: Вишленкова 2005; 2008), исследования отдельных сюжетов взаимного видения поляками и русскими друг друга по материалам сатирической графики XIX–XX вв. (Лазари, Рябов 2007; 2011), а также статьи о советской иконографии в политическом дискурсе (Ярская-Смирнова 2007–2009) и др.). Коллективный проект, реализованный по инициативе польских этнологов, посвящен рисункам сатирического характера и карикатурам. Сборник из 16 статей составлен по материалам международной конференции, состоявшейся по инициативе польских этнологов в Варшаве в 2010 г. Книга содержит около 170 сатирических зарисовок и карикатур, ставших объектом исследования.

Сложившиеся в области визуальной антропологии тенденции интерпретации нарратива, обманчивая методическая легкость “прочтения” и трактовки визуальных источников, как верно отмечают составители (польские этнологи Д. Демский и К. Баранецка-Ольшевска), осложняет задачу тех, кто обращается к этой проблематике сегодня (р. 11). Организаторы проекта ограничились хронологическими рамками изображений второй половиной XIX – серединой XX в., исходя из тезиса о сходстве иконографических стереотипов этнического “другого” и преемственности форм их типизации на имперском и государственном этапах истории.

Во введении составители рассматривают специфику жанра визуальных репрезентаций, а именно их обусловленность историко-политическими факторами, взаимодействие: а) с этническими стереотипами определенной культурной среды, традициями сатиры в национальных литературах и искусстве, этнокультурным своеобразием юмора; б) с политическим дискурсом, государственной идеологией и социальным заказом (р. 14). Обязательность разделения социального конструирования и аутентичных этностереотипов и соотнесение визуального текста с историко-культурным контекстом подчеркивается многими авторами.

Открывает сборник статья А. Фюлемиль (Венгрия) “Костюм и Образ: визуализация этничности в европейской популярной графике. Вводные замечания к этнической карикатуре”, в которой аргументируется необходимость различения двух ракурсов анализа визуальных обобщенных образов (социально-типических и этнических как их инварианта): а) их конкретных воплощений в разных художественных жанрах и видах нарратива и б) собственно *ethnic imaginary* как совокупности “техники видения” и социальной практики восприятия и выражения инаковости.

Если на ранней стадии определяющими для моделирования этничности становятся внешние признаки (тело, одежда, аксессуары), традиционная иконография, живописные каноны и др., то с XVIII в. просвещенческое видение человека задает сатирическое изображение индивидуальных черт и социальных типов, которое становится доминирующим и порождает карикатуру в ее современном виде. В эпоху романтизма выработались, как полагает Фюлемиль, формы и способы типизации, схематизация характеров (в том числе этнических) через внешние приметы (физический облик, лицо, аксессуары, поза, одежда, жесты), что определило визуальные стандарты репрезентации народов и ряд устойчивых клише – например, отождествление народов с животными (зооморфизм), осуществляемое через родовую и гербовую эмблематику, или антропоморфизацию этносов при помощи античных аллегорий и символов классицизма.

Автор статьи “Карикатура как источник по изучению ментальных образов на примере Болгарии” П. Петров (Болгария) формулирует ряд методологических вопросов и трудностей, с которыми неизбежно сталкивается исследователь этнических стереотипов, например: в какой мере элита (в лице художников-карикатуристов) отражает взгляды и представления других социальных слоев общества (р. 30), как различные виды массовых источников, формирующих национальные образы в эпоху модернизации, оказывают воздействие на визуальную “имажинерию” (*visual imaginary*) болгарской культуры начиная с XIX в. Петров утверждает, что политическая карикатура не отражает реальную действительность, а только оперирует готовыми ассоциациями, рефлексиями и атрибуциями.

В статье Б. Езерника (Словения) «Политика в отношении “псеглавцев”» показаны историко-культурные истоки формирования образа “чужого” в Словении периода складывания этнической идентичности. На раннем этапе преобладали факторы конфессиональной принадлежности и цивилизационного статуса. Главным становится противопоставление словенцев-христиан

туркам-мусульманам, образ которых формируется с помощью традиционных мифологических универсалий, таких, например, как человек/нечеловек (турок-мусульманин описывался как антропофаг, псеглавец и т. п.). В австро-венгерский период дифференцировались образы европейских соседей-христиан (выделялись группы славян, немцев и романские народы).

Отдельную группу статей составляют исследования визуальных образов разных народов Австро-Венгерской монархии – это работы чешского этнолога К. Альтмана (“Этнические стереотипы в чешской карикатуре XIX в.”), венгерских авторов Г. Бузынкай (“Взаимные стереотипы: австрийские и венгерские карикатуры друг на друга”), А. Тамаш (“Сербы, хорваты и румыны в венгерской и австрийской перспективе: анализ карикатур из венгерских и австрийских сатирических журналов”) и румынского ученого Р. Драника (“Стереотипы в репрезентациях правоверного и ассимилированного еврея на страницах венгерских сатирических журналов Австро-Венгерской монархии”).

К. Альтман рассматривает типичные образы “своих” и “чужих” в творчестве знаменитых чешских иллюстраторов, подробно анализируя историко-культурный контекст формирования представлений о региональном и национальном типах этничности, которые складывались в самосознании чешской социально-политической элиты Австро-Венгрии (в частности, младочехов). Он показывает обусловленность этих процессов идеологией (идеями общеславянского единства, славяно-германского противостояния и борьбы за независимость Чехии) и типичной для национальных политических партий и движений Восточной Европы данного периода концепцией балансирования “малых наций” между двумя полюсами европейского мира – Россией и Германией. (Аналогичные тенденции, как показал румынский автор Ф.-А. Падуреан [“Обвинение Врага. Этнические стереотипы в румынских карикатурах XIX в.”], характеризуют и визуальные образы представителей различных народов и конфессий, проживавших на румынских землях.)

Венгерскими исследователями показано, что этнические представления в сатирических изображениях XIX в. в прямом и переносном смысле демонстрируют противоречия и сложности процесса самоидентификации мадьяр как нациеобразующего этноса Венгрии в составе двуединой монархии. Бузынкай верно отмечает, что визуальные стереотипы “другого” всегда соотносятся с самохарактеристикой и автостереотипами; как и всякое самоописание, они в целом позитивны, а негативный характер эти образы приобретают лишь в иноэтничной среде. А. Тамаш показывает, что в австро-венгерской сатирической иконографии сербов, румын и хорватов нашла отражение важная особенность их восприятия: только последние воспринимались как нация, два других этноса рассматривались как локальные региональные группы некогда имперской окраины.

Р. Драник разбирает исторические факторы формирования образа еврея и его визуальных стереотипов в Австро-Венгрии, принимая тезис о том, что 1867–1914 гг. – “золотой век еврейства” в Европе того времени. Его негативные черты он объясняет не столько антисемитизмом или традиционным конфессиональным неприятием, сколько социально-экономическими причинами: в период бурного развития капитализма в Центральной и Восточной Европе резко выросла доля нуворишей, банкиров и буржуа еврейского происхождения (постепенно стремящихся к социальной ассимиляции) – в том числе за счет активной миграции из Галиции. Карикатуры отразили дифференциацию двух еврейских типов в австро-венгерском обществе – “мадьяризованного”/“цивилизованного” буржуа и местечкового отсталого блюстителя иудейских традиций.

Польская исследовательница М. Жаковска (“Медведь в европейских салонах: Россия в немецкой карикатуре. 1848–1914 гг.”) анализирует образы и концепты, используемые немецкими художниками в сатирических изображениях России и русских. Это персонафицированные изображения Казака, Ивана, Российского императора, а также получившая широкое распространение метафора “России-Медведя” (детально рассмотренная в одном из международных проектов – см.: *Ябов, Лазари* 2011). Они вписаны в общую картину противостояния Европы (Германии) и России как цивилизации и варварства, культуры и дикости.

Д. Демский (Польша) в статье “Давние стереотипы *versus* меняющаяся реальность: образы Другого в польской карикатуре 1862–1939 гг.” доказывает устойчивость польских стереотипов русских, а также неизменность основных параметров геополитической и исторической реальности, в которой позиция Речи Посполитой в Европе определялась противостоянием и отношением к польскому вопросу России и Германии. В XIX в. “другие” представляли главным образом как “свои чужие” – соседи иноконфессионального и иноэтничного происхождения. Это прежде всего русские и украинцы (белорусы в этом дискурсе не представлены), евреи, реже –

“польские немцы”. Автор объясняет такое положение особенностями польской *этнонациональной* самоидентификации в данный период. В межвоенный период, пишет Демский, карикатура оказывается на службе государства и интересов нации (р. 155–156), и это, отметим, справедливо не только для “польской” ситуации; при этом обостряются и другие социальные противоречия в обществе (“внутренние Другие” в это время – евреи и нувориши, внешние – государства-агрессоры – СССР и Германия). Подобные тенденции находят отражение в политических стереотипах других народов, обретших независимость в XX столетии (об этом – в статьях Г. Гаилите «Немцы, русские и евреи в работах латышских карикатуристов начала XX в. (1905–1927)» на страницах главного юмористического журнала “Свари»» [Латвия] и Кш. Буховского “Поляки и литовцы: соответствующие образы в карикатурах первой половины XX в.” [Польша]).

Д. Демски подчеркивает, что карикатура является важным источником для реконструкции этнических автостереотипов; одним из устойчивых топосов предстает в ней мотив невинной жертвы (в польском случае это – образы ягненка, девы Полонии и т.п.) – характерный, заметим, для визуальной саморепрезентации многих народов Восточной Европы (включая Финляндию) и Балкан – причем и в XIX, и в XX столетии. Насильником, агрессором в облике хищника на протяжении всего столетия предстают две державы в образах государствообразующих наций – немцев и русских.

Эстонская исследовательница Л. Лайнесте в статье “Ужасный смешной иностранец: карикатурные изображения Другого в общественном дискурсе Эстонии межвоенного периода” соотносит карикатурные изображения с национальными особенностями юмора, заключая, что в эстонской карикатуре периода национальной независимости совмещались восточноевропейские и западноевропейские традиции визуального изображения политического врага – прежде всего СССР и советского (русского) человека, представавших в образе нищего крестьянина, военного агрессора или Медведя; вторым по значимости источником внешней угрозы выступала Германия.

Подробный анализ образа “России-Медведя” предпринят в статье польского и русского культурологов А. де Лазари и О. Рябова «“Русский медведь” в польской карикатуре межвоенного периода (1919–1939)». В ней рассмотрена историческая эволюция концепта и комплекс его значений в западноевропейской и польской культурах XX в., в значительной степени повлиявших на особенности репрезентации СССР и советских людей в польской карикатуре 1920–1940-х годов. Особенности изображений “русского медведя” определялись традициями негативного опыта взаимоотношений поляков и русских в Российской империи, хотя в некоторой мере образ СССР был обусловлен и политическим противостоянием Польши большевистской “империи” как оплоту “азиатского варварства” и “рабства”.

Карикатуры, созданные тогда же в Советской России (Советском Союзе), во многом опирались на те же принципы. Как показывает российский исследователь А. Голубев («Образ Восточной Европы в советской карикатуре 1920–1930-х гг. в публикациях журнала “Крокодил»»), отличие заключается в абсолютном доминировании идеологии в сатирических изображениях, но в фокусе внимания – прежде всего другие государства, а не народы (преобладают политические, а не этнические негативные стереотипы). В дихотомии СССР/Европа актуализируются метафоры молодой/старый, здоровый/больной, будущее/прошлое и др.: Европа и отдельные державы изображались выжившей из ума старушкой, дряхлой развалиной, обитателями больницы или сумасшедшего дома.

Появление этого сборника не только свидетельствует об обращении ученых к предмету и методам визуальной антропологии для изучения истории идей и стереотипов этнической идентичности, но и дает представление о современном состоянии исследований в этой области, позволяет выявить важные типологические сходства и отличия в изображении “других” в культурах народов Центральной и Восточной Европы, а также фиксирует константы восприятия прежде всего главных “чужих” этого региона – немцев, русских и евреев. Данный исследовательский проект продолжается, и его инициаторы приглашают к сотрудничеству (imagesofother@gmail.com).

Литература

- Вишленкова 2005 – Вишленкова Е. Визуальный язык описания “русскости” // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 97–146.
- Вишленкова 2008 – Вишленкова Е.А. Визуальная антропология империи, или “увидеть русского дано не каждому”. М., 2008.

Лазари, Рябов 2007 – Лазари А. де, Рябов О. Русские и поляки глазами друг друга. Сатирическая графика. Иваново, 2007.

Лазари, Рябов 2011 – “Русский медведь”: история, семиотика, политика / Под ред. А. де Лазари, О. Рябова. М., 2011.

Ярская-Смирнова 2007–2009 – Визуальная антропология. Серия сборников / Под. ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина (Визуальная антропология: новый взгляд на социальную реальность. Саратов, 2007; Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009; Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009).

ЭО, 2011 г., № 5

© А.В. Гринёв. Рец. на: *G.A. Miller. Kodiak Kreol: Communities of Empire in Early Russian America*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2010. 209 p.

Новейшая монография американской исследовательницы Гвенн Миллер посвящена изучению истории смешанного (метисного) населения, которое стало формироваться на о-ве Кадьяк (Аляска) в ранний период существования там российских колоний. Вообще тематика такого рода сейчас достаточно популярна в США в связи с ростом межэтнических и межрасовых брачных союзов. В так называемой Русской Америке потомство от подобных связей и браков выходцев из России/Сибири, Европы и США с туземными женщинами именовали “креолами”. Если креол/креолка в свою очередь заключали брак с европейцем или аляскинским туземцем, то их дети в любом случае все равно считались креолами. Об этой специфической группе колониального населения уже немало сказано в разделах ряда научных монографий и в специальных статьях (Фёдорова 1971: 152–156; Лутерская 2007: 94–104; Oleksa 1990: 185–195; Black 2004: 209–220 и др. работы).

Знакомство с книгой Г.А. Миллер, выпущенной издательством престижного Корнельского университета, вызывает некоторое недоумение. Начнем с неясности с хронологическими рамками работы. В предисловии автор пишет, что первое постоянное русское поселение в Новом Свете было основано на Кадьяке в 1784 г. известным купцом Г.И. Шелиховым, а на следующей странице указывает, что исходный период Русской Америки начался все же в 1741 г., когда экспедиция В.Й. Беринга открыла берега Аляски. Здесь же говорится, что закончился этот период в 1818 г., когда правительство завладело колониями (см. также р. 142), однако уже через страницу Г.А. Миллер сообщает, что исследует возникновение и развитие креольской общины на Кадьяке от 1780-х до начала 1820-х годов (р. IX–XII). Тут необходимо уточнить, что в 1818 г. правительство не брало на себя бремя управления колониями, которые продолжали оставаться до 1867 г. (когда Аляска была продана США) под властью монопольной Российско-Американской компании (РАК, 1799–1871). В 1818 г. произошла лишь передача власти в колониях от престарелого главного правителя, бывшего купца, а затем коллежского советника А.А. Баранова к капитан-лейтенанту Л.А. фон Гagemейстеру. С этого рубежа все главные правители были офицерами Военно-морского флота, которые одновременно являлись, как правило, акционерами РАК.

Обозначив в предисловии тему и обосновав актуальность проблемы ее слабой изученностью, Г.А. Миллер приступает к анализу далеко не сразу: на протяжении последующих десятков (!) страниц монографии невозможно найти даже упоминание слова “креолы” (см. главы 1–4, р. 1–104). Речь идет о чем угодно, только не о них. Так, автор пишет о формировании системы ясачного обложения в Сибири, практике взятия у туземцев заложников-аманатов, об отношении Екатерины II к русским колониям в Новом Свете, деятельности Православной церкви и миссионеров в Сибири и на Аляске и т.д. и т.п. Порой сообщается о фактах и деталях, не имеющих совершенно никакого отношения к креолам Кадьяка, например, о въезде в Париж на белом коне императора Александра I после поражения Наполеона в 1814 г. (р. 130). И лишь в двух последних главах монографии (из шести) мы можем встретить материал, посвященный собственно креолам. Таким образом, основная часть работы представляет собой очерк освоения Сибири и Русской Америки в начальный период ее истории, с некоторым упором на гендерный аспект.

Андрей Вальтерович Гринёв – д. и. н., профессор кафедры социологии и права Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; e-mail: agrinev1960@mail.ru